

Культурная интеркаляция в билингвальной коммуникации в Казахстане

В ситуации перманентного влияния контактов равноправных языков и культур, которую мы наблюдаем в Казахстане, Белоруссии, мы отмечаем их взаимное, а не одностороннее влияние. В Казахстане сейчас, в отличие от советского времени, более заметным становится воздействие казахской культуры и казахского языка на русский язык. В советское время достаточно хорошо были описаны языковые контакты, однако особенность того описания заключалась в том, что внимание уделялось значимости доминантного, т.е. русского языка и его воздействию на систему казахского языка. Обсуждались интерференция в неисконной речи, вопросы национально-русского двуязычия (о некорректности этого термина писали многие). Но взаимодействие предполагает и роль другой стороны, а эта сторона вопроса часто оставалась вне поля исследовательских интересов.

Структура билингвальной коммуникации значительно сложнее, чем ее представляют, она характеризуется смешением знаков контактирующих языков и культур. В ее пространстве вырабатываются особые нормы, клише, стереотипы, формируется новая оценочность. Виктор Владимирович Кабакчи, чей взгляд на межкультурную коммуникацию в большей степени лингвистичен, влияние иной культуры квалифицирует как вторичную культурную ориентацию языка [6, с. 12], а элементы чужой культуры — как инолингвокультурный субстрат (ИЛКС) [7, с. 51–70]. Суть в том, что на смену своим символам приходят символы контактной культуры. В этом случае при взаимодействии культур, как и при взаимодействии языков, различают интерференцию и интеркаляцию. Интерференция понимается как отклонение от норм, происходящее вследствие влияния родного языка на второй, а интеркаляция — это влияние второго языка на родной. То же происходит и в сфере культуры. Влияние чужой культуры на родную мы называем, соответственно, культурной интеркаляцией. Если рассматривать чужеродные элементы как некое спорадическое наслоение от-

дельных элементов, то, скорее, они имеют характер суперстрата, а не субстрата, таким образом, *результатом интеркаляции является инолингвокультурный суперстрат. Он является знаком иной системы, но он освоен и откорректирован принимающей системой. Распознать это поможет сравнение с нормой.*

Две ситуации возможны в контактах двух культур: сопротивление инородному влиянию и принятие знаков чужой культуры, которое может быть вынужденным и добровольным. Но независимо от этого в точках культурного взаимодействия происходит смена норм или их девиация. Фактор чужой культуры является определяющим в становлении иных коммуникативно-прагматических правил, а также в интерпретации знаков исконной лингвокультуры. Меняются коммуникативные стратегии и тактики, когнитивная база, наполняются новым содержанием концепты, появляются дифференциальные черты в лексике. Семантическая структура слова обогащается благодаря аксиологическим установкам иного культурного сообщества. Так, Е. Свинчукова считает: «Основной стратегией аккультурации русских в Казахстане можно считать интеграцию (в терминах Дж. Берри). Это означает, что данная группа заинтересована в поддержании собственной культуры и в общении с другими группами (а именно — с коренным населением принимающей страны)» [10, с. 5]. Но «казахская культура оказывает влияние на русскоязычных жителей Казахстана, что отмечается в содержании таких образов языкового сознания, как *семья, друг, мир, земля, муж, время, человек, мужчина*» [10, с. 7]. Проведенный Свинчуковой ассоциативный эксперимент показал, что «ассоциативные поля русских — жителей Казахстана ближе к образам языкового сознания казахов, чем ассоциативные поля русских россиян к образам языкового сознания казахов» [10, с. 7]. Несмотря на сильные позиции русского языка в Казахстане и общее с Россией коммуникативное медиапространство, все же дифференциальные черты проявляются. «Восточный» след меняет, прежде всего, коммуникативное поведение, аксиологические установки, ассоциативный тезаурус. Иначе говоря, русский язык в контакте с казахским языком и казахской культурой не идентичен другим его вариантам. Длительное контактирование способствует выработке общего социального культуротипа, но этническая составляющая остается более стабильной.

Любые изменения в языке/лингвокультуре рассматриваются относительно нормы, всякое вторжение извне ее перестра-

ивает, меняет. Брай Качру называет норморазвивающим язык в странах, где он является государственным (добавим, официальным), но в неродном окружении [цит. по: 3, с. 26]. Русский язык в постсоветских странах, не столь заметно дистанцировавшийся от стандарта — языка метрополии, имеет региональные нормы в употреблении и корректирует систему, приспособлявая ее к функционированию в инокультурных условиях, иначе говоря, функционирует как норморазвивающий язык. Существенных изменений в системе языка, конечно, нет, но они есть в употреблении. Выстраиваются иные лексические парадигмы, вследствие чего корректируются значения лексем. Соответственно, это меняет семантическую валентность слов: слова *национализм* и *патриотизм* сейчас становятся синонимами, антонимическая пара *национальный* и *инонациональный* утвердилась в казахстанском дискурсе только в таком противопоставлении и семантическом наполнении, тогда как в России представлено иная оппозиция, ср.: *национально-русское двуязычие, национальный и русский вопрос*. Покажем это на следующем примере: «Любовь казаха к казахскому народу, есть казахский национализм и патриотизм; любовь русского к своему, русскому народу, есть русский национализм и патриотизм, но этот национализм и патриотизм казаха и русского основаны на духовности своего народа и становящиеся, как говорил И. Ильин, «...явлениями высокого духа» [5].

Вопрос, важный в лингвоэмигрантологии, приемлем и применительно к ситуации в постсоветских странах. Какие участки языка/лингвокультуры являются универсально слабыми, а какие изменения происходят окказионально, в связи с местной спецификой? Анализ затрудняется тем, что вычленить и структурировать дифференциальные черты довольно трудно. Так, недостаточно исследуются вопросы о том, почему происходят аддитивные заимствования, почему и в каких случаях коррекция коммуникативного поведения осуществляется в пользу «чужого», какие участки лингвокультуры оказываются «слабыми», как в многообразии фактов обнаружить общие закономерности? В лингвоэмигрантологии подобное понимание слабых участков языка демонстрируют М. Я. Гловинская (слабые vs. устойчивые к воздействию чужих языков части системы русского языка) [2, с. 42–59], Е. А. Земская [4]. Приведем примеры слабых участков языка из работы Е. А. Земской: «В области согласных это: смягчение звуков щ, ц,

не имеющих парных мягких; отвердение ч, не имеющего парного твердого; озвончение х, не имеющего парного звонкого. Отмечу также: грассирующее произношение р» [4].

Американская исследовательница М. А. Осипова утверждает, что «Слабой системной категорией оказываются модификационные производные, куда относятся диминутивы и приставочные глаголы. Это производные с *интерпретирующим*, а не *называющим* значением. Устойчивым же ядром системы оказываются мутационные производные, как, например, названия деятеля. Это «называющие» производные. Иными словами, дезинтегрируются производные с вторичными словообразовательными функциями, а проявляют устойчивость образования, реализующие важнейшую функцию словообразования, — номинативную» [цит. по: 4]. Е. А. Земская замечает, что в речи информантов-эмигрантов разных волн модификационная категория уменьшительности-оценочности обнаруживает наибольшую активность [4]. То же наблюдается в билингвальной коммуникации в постсоветском пространстве, где позиции русского языка сильны: категория уменьшительности-оценочности обнаруживает наибольшую активность. Она реализует как называющее, так и интерпретирующее значение. Особенно активно данная категория проявляет себя в названиях лиц. В данной статье мы на примере казахстанской лингвокультуры рассмотрим названия лиц, которые традиционно обозначали высокий статус и связанное с этим почтительное отношение в казахском обществе. Однако в русской речи они приобретают как называющее, так и интерпретирующее значение, часто с негативными коннотациями. Определенную роль играют в этом диминутивы.

Казахские названия лиц в русской речи — это интеркаляция. Но при освоении таких лексем русскими происходит существенная семантическая модификация. Феномен казахской культуры общения, почтительное обращение к старшим становится средством оценочности, языковой игры, иронического обозначения и далее иронической квалификации нарождающихся социокультурных феноменов, обозначенных в русской речи казахскими лексемами, иначе говоря, знак одной культуры наполняется смыслом другой.

Рассмотрим разные случаи освоения казахских лексем.

Называющее значение имеет место тогда, когда:

- 1) нет альтернативы данному имени (*аким, муфтий, акын*);

2) чужое обозначение лаконичнее, точнее своего. Так, слово *бажа* воспринято казахстанскими русскими (*бажа* — это муж сестры жены);

3) в речи актуализируются не все значения, т.е. происходит изменение семантической структуры слова. Так, слово *бейшара* в казахском языке означает: 1. бедняга; бедняжка; несчастный; 2. перен. беспомощный; лишенный возможности что-либо сделать [8, с. 146]. В речи русских актуализируются такие значения, как 1) материально бедный человек; 2) неудачник.

Интерпретирующее значение имени отмечаем в следующих случаях:

1. Казахская модель гипокористики (усечения) имен, вежливого обращения, которое содержит указание на статус, возраст, выражает почтение: *Маке* (от *Макен*), *Саке* (от *Сакен*). У казахов такое почтительное обращение принято только по отношению к мужчинам. Но русские используют и по отношению к женщине, придавая ей статус, равный статусу мужчины.

Ироническое обозначение лица словом, имеющим в казахском языке положительную семантику. Примером служит лексема «аксакал» (о семантическом объеме слова «аксакал» см: [1, с. 202–203]). Заметим, что в популярном «Словаре русского языка» С. И. Ожегова, четырехтомном «Словаре русского языка» под ред. А. П. Евгеньевой [11] данное слово отсутствует. А в 10-томном толковом словаре казахского языка даны два значения: 1) глава рода, старейшина аула (до революции); 2) старый, уважаемый человек. В современных текстах оно означает не только «старый, уважаемый человек», но и «основоположник, родоначальник». Примеры: «Совет Оспанович, вы, несомненно, являетесь сейчас одним из *аксакалов* казахстанского профсоюзного движения» («Мегаполис»); «Когда только Интернет-газета «Навигатор» становилась на ноги, редакция обратилась к *аксакалу* с тремя вопросами» («Мегаполис»). Но в современных текстах СМИ слово «аксакал» приобретает и негативные коннотации: «академические *аксакалы* отсохли сразу, профессура помоложе безболезненно переквалифицировалась с преподавания политэкономии социализма на менеджмент и маркетинг» («Мегаполис»). «Пока *академические аксакалы* и другие здравомыслящие люди не будут учитывать реальную плотность упаковок и их соответствие критерию оптимальности — все время будут ловить черную кошку в темной комнате»

(форум в Интернете). В таком употреблении предстает значение «косный, невосприимчивый к новому», которого изначально не было в языке-источнике. Данное значение предстает лишь в словосочетании в форме множественного числа *академические аксакалы*, появился новый фразеологизм.

3. Негативную окраску получают слова, обозначающие прежде почтительное отношение к уважаемым людям: *бастык* (глава), *аким* (мэр, губернатор). Например: «Может у человека с детства призвание — на все руки *бастык*» («Время»); «даже самому бессовестному *бастыку* не хочется оставаться в памяти народа в отвратительном образе взяточника и вора» («Время»); во фразеологическом трансформе — «Конюх *бастыку* не товарищ» («Время»). Для данного имени нет грамматических ограничений в представлении негативных коннотаций, используются формы и единственного, и множественного числа.

4. Эмоциональные концепты реализуются в апеллятивах: обращение *жаным* — «милый», *айналайын* — «дорогой». Но в казахской лингвокультуре «айналайын» — это особый, эндемичный концепт: обращение к дорогому человеку — айналайн, «кружусь вокруг тебя» — подстрочный перевод, «принимаю твои болезни» и «любовь моя» — смысловые переводы. Слово *айналайын*, обозначающее очень сложный нравственный концепт для казахов, используется русскими не совсем в соответствии со значением, а в качестве обращения.

Номинативно-квалифицирующее значение получили имена, ставшие символом, получившие статус прецедентного обозначения. Отметим некоторые типы:

1. Новым ироническим обозначением невежества как явления стало собственное имя *Борат*, стремительно ворвавшееся в казахстанскую коммуникацию с легкой руки известного английского комика Саша Коэна. Борат — это и страна («*Борат привлекает туристов*» — газета «Время»), и типовая характеристика личности: «*Марат Бисингалиев готов распустить Уральский симфонический оркестр. По его словам, местные бораты препятствуют развитию культуры в Казахстане*» («Время»). Борат становится также символом всего неприглядного в стране.

2. Русские слова представляют символ казахской культуры. Для иллюстрации этого положения в качестве этнолингвистического материала часто привлекаются названия животных. При-

ведем один пример. К козе у казахов отношение отрицательное, считается, что у нее нет прародителей: «кто пасет меня, того я и скотина». Коза может не реагировать на действия других субъектов, нет у нее почтения к другим. Поэтому, когда банальное и обидное обозначение женщины за рулем этим именем — коза — ничего не говорит представителям других культур, в языковом сознании казахстанцев оно ассоциируется с архетипом казахской культуры. Считается, что действия женщины-водителя продиктованы только соображениями собственного удобства. При этом она не очень реагирует на других участников дорожного движения. Таким образом, коза становится негативным символом непредсказуемого поведения на дороге женщины-водителя. В данном случае интеркаляция приводит к переносу содержания символа из одной лингвокультуры в другую.

3. Грамматическим средством создания коннотаций являются суффиксы. По одной модели образованы формы *ағашки* (от *аға* — старший по возрасту или по должности) и *анашки* (от *ана* — обращение к старшей родственнице или старшей по возрасту женщине). Но коннотативное значение лексем сильно различается. Грамматические формы числа существительного *анашка/анашки* не имеют отрицательных коннотаций. Но существительное *ағашки* обрастает многочисленными коннотациями в форме множественного числа. В казахстанской прессе, особенно в русскоязычных изданиях, достаточно часто упоминается и обсуждается такое явление как *ағашки*. Приведем некоторые примеры: «Казахстанские ағашки — тормоз прогресса и рассадник клановой формы правления?» (диалог экспертов); «Ағашки оказались тормозом прогресса и рассадником клановой формы правления»; «Ағашки как неформальный институт стали неотъемлемой частью политической и экономической жизни Казахстана»; «Ағашки теперь рулят»; «Они действуют в интересах самой власти, — говорят участники круглого стола радио Азаттык». В газете «Караван» была опубликована статья «Без ағашки ты букашка», в газете «Время» — «Ағашки с понятиями». Адвокат Виталий Воронов для своей статьи дал заголовок — «Страна непуганых ағашек» («ЦентрАзия»). Частотность в узусе данного словоупотребления дала основания для вывода о появлении нового неформального института *ағашек*, что констатируется в русскоязычных СМИ. Оценочность придают грамматические средства — русский суффикс и форма множественного

числа. Форма единственного числа данных существительных не содержит негативных коннотаций, также как не содержат их существительные со значением лиц женского пола. Языковая игра превращает культурный феномен коммуникации в языковой синкретичный знак с новыми негативными коннотациями.

Обратное влияние русского языка (русской культуры) на казахский язык (казахскую культуру) в сфере имен — названий лиц тоже значительно. Оно имеет результатом то, что чужие знаки и символы воспринимаются как свои. При этом причиной может быть отсутствие подобного феномена в иноэтнической, иносоциальной культуре. Символы русской культуры принимаются казахами. Это можно отметить в формировании корпуса прецедентных феноменов: текстов, имен. Таким прецедентным именем для обозначения милицейского работника (в Казахстане — полицейского) стало *Анискин*. Например, заголовок газетной заметки — «Такие анискины нам не нужны». В тексте: «прямо на сельском сходе начальник ДВД Жамбылской области снял с должности участкового» («Время». 13. 02.07). Прецедентное с советских времен имя продолжает оставаться актуальным, перерастая в символ, становится нарицательным. Культурный код советского прошлого является общим для всех. В данном случае нет прецедентного казахского имени для сравнения с работником полиции, хотя можно предположить, что на сельском сходе на юге страны, где находится Жамбылская область, было население казахоязычное, для которого привычнее свои национальные образы. Русские прецедентные имена становятся символами в силу обобщения.

Таким образом, культурная интеркаляция в билингвальной коммуникации проявляется в том, что принимаются знаки чужой культуры, но они приобретают иную интерпретацию, что можно расценивать как девиантное употребление. Девиации почти всегда сопровождают освоение заимствований. В общем, культурная интеркаляция перестраивает коммуникативно-прагматические нормы, затем — речевые, а часть моделей воздействует на систему языка. Нейтральная или позитивная в казахском языке семантика названий лиц, которая в иерархии социокультурных отношений весьма значима, в русскоязычной коммуникации приобретает иные коннотации, становится средством языковой игры. Через посредство русского языка с такими коннотациями имена возвращаются в казахский язык, происходит реинтеркаля-

ция. Грамматические средства становятся средством выражения прагматического смысла имен — названий лиц мужского пола с высоким социальным статусом: форма множественного числа меняет называющее значение на интерпретирующее.

Литература

1. Ахметжанова, З. К. Казахское слово в русском художественном тексте (обозначения лиц, вокативы и онимы) / З. К. Ахметжанова // Сопоставительное языкознание: казахский и русский языки.— Алматы, 2005.— С. 199–221.
2. Гловинская, М. Я. Язык эмиграции как свидетельство о неустойчивых участках языка метрополии (на материале русского языка) / М. Я. Гловинская // Жизнь языка : сб. ст. к 80-летию М. В. Панова ; отв. ред. С. М. Кузьмина.— М. : Языки славянской культуры, 2001.— С. 42–59.
3. Григорьева, Л. Н., Хруслов, Г. В. Общественные функции языка и функционирование русского языка за рубежом.— М., 1990.— 46 с.
4. Земская, Е. А. Язык русского зарубежья / Е. А. Земская // Русский язык в научном освещении [Электронный ресурс].— № 1.— М., 2001.— С. 114–131.— Режим доступа : <http://rulit.org/read/609>.
5. Иванов, Н. И. Возрождение русскоязычной литературы в Казахстане / Н. И. Иванов [Электронный ресурс].— Режим доступа : <http://www.stihi.ru/2008/09/27/4088>.
6. Кабакчи, В. В. Введение в интерлингвокультурологию : учебное пособие / В. В. Кабакчи, Е. В. Белоглазова.— СПб. : Изд-во СПбГУЭФ, 2012.— 252 с.
7. Кабакчи, В. В. Типология текста иноязычного описания культуры и инолингвокультурный субстрат / В. В. Кабакчи // Лингвистика текста и дискурсивный анализ: традиции и перспективы.— СПб. : СПбГУЭФ, 2007.— С. 51–70.
8. Казахско-русский словарь / под. ред. Р. Г. Сыздыковой, К. Ш. Хусаинова.— Алматы, 2008.— 962 с.
9. Осипова, М. А. Разговорный русский язык иммигрантов в США. Лексика и словообразование. Текст / М. А. Осипова // Славянская языковая и этноязыковая системы в контакте с неславянским окружением / отв. ред. Т. М. Николаева.— М., 2002.— С. 448–464.
10. Свинчукова, Е. Г. Языковая картина мира русской диаспоры в Казахстане : автореф. дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Е. Г. Свинчукова ; Рос. акад. наук, Ин-т языкознания РАН.— М., 2011.— 18 с.
11. Словарь русского языка / под ред. А. П. Евгеньевой.— М. : Русский язык, 1985.